

МЕМУАРЫ

Еще в начале октября 1924 года я написал Есенину — приглашал приехать в Батум. Об этом он сообщил из Тифлиса Галине Бениславской: «Из Батума получил приглашение от Повицкого. После Персии заеду». В Персию попасть ему не удалось, а в Батум он приехал в начале декабря.

Приезд Сергея Есенина я отметил в «Трудовом Батуме» 9 декабря статьей о его творчестве. Он ответил мне стихотворением «Льву Повицкому», напечатанным в той же газете 13 декабря. Оно бросает свет на душевное состояние поэта в 1924-1925 гг.

Льву Повицкому

Старинный друг,
Тебя я вижу вновь
Чрез долгую и хладную
Разлуку.
Сжимая я
Мне дорогую руку
И говорю, как прежде,
Про любовь.

Мне люблю на тебя
Смотреть.
Взгрустни
И приласкай немногого.
Уже я не такой,
Как впредь —
Бушуйный,
Гордый недотрога...

Перебесились мы.
Чего скрывать?
Уж я не я.
А ты ли это, ты ли?
По берегам
Морская гладь —
Как лошадь
Загнанная, в мыле.

Теперь влюблен
В кого-то я,
Люблю и щетину
Призываю.
Но все же
Точкой корабля
К земле любимой
Прильваю.

Есенин, по приезде в Батум, остановился в местной гостинице. Через несколько дней я заехал за ним, чтобы перевезти его к себе. Я жил недалеко от моря, в небольшом домике, окруженному зеленью и фруктовым садом.

Шумная жизнь вечно праздничного Тифлиса, отголоски которой привезли «привозатые» Есенина — Вержбицкий и Соколов, — была уже не по душе ему. Он готовился к серьезной работе, и Батум дал ему такую возможность. Это видно из его деловой переписки с Галиной Бениславской, которая была все последние годы жизни Есенина как бы его «личным секретарем».

В первом же письме из Батума Есенин передал Галине Бениславской привет от меня. С нею я виделся в Москве один-два раза, но уже заочно числился в ее друзьях, и Есенин аккуратно передавал ей мои приветы. Ему понравился покой и неприхотливый уют моего жилища, и он пожертвовал ради него удобствами комфортабельного номера в гостинице. Он вынес свои чемоданы из номера и мы собирались уже выйти, как вдруг на нас с громкой руганью накинулся заведующий гостиницей — старик-армянин:

— Не пушу чемоданы, заплати деньги!

— Я Вам объяснил — ответил Есенин, — деньги я получу через 2-3 дня, тогда и заплачу!

— Ничего не знаю! Плати деньги! — кричал на всю гостиницу рассвирепевший старик.

Есенин тоже повысил голос:

— Я Есенин! Понимаешь или нет? Я сказал — заплачу, значит заплачу.

На шум вышел из соседнего номера какой-то гражданин. Постоял с минуту, слушая шумную перебранку, и подошел к заведующему:

— Сколько Есенин вам должен?

— Тот назвал сумму.

— Получите! — и неизвестный отсчитал стопку деньги.

Старик в изумлении только глаза вытаращил.

Есенин поблагодарил неизвестного и попросил у него адрес, по которому можно вернуть деньги. Тот ответил:

— Мне денег не нужно. Я — редактор армянской газеты в Ереване. Пришлите нам в адрес газеты стихотворение — и мы будем в расчете.

Есенин пообещал и сердечно попрощался с неожиданным спасителем. Думается, что в связи с участием последнего Есенин через

несколько дней после переселения в мою квартиру, писал Чагину: «Я должен быть в Сухуми и Ереване». Обе предполагаемые поездки не состоялись.

Случаи, подобные происшедшему в гостинице, бывали часто в жизни Есенина, особенно в Москве. При мне однажды в «Праге» у Есенина не хватило 50 рублей на уплату по счету. И сейчас же из-за соседнего столика поднялся совершенно незнакомый нам гражданин и вручил эту сумму Есенину.

Стоило ему при каких-нибудь затруднительных обстоятельствах называть себя — «Я Есенин», как сейчас же кем-нибудь из публики оказывалась ему необходимая помощь. Кстати, эту гордость имени Есенина он отмечал и у своей маленькой Танюши — дочери, воспитавшейся в семье Зинаиды Николаевны Райх.

о великом походе», начаты «Персидские мотивы».

Есенин душевно выздоравливал, идеино рос и мужал.

Несомненно, пребывание его в этом году и в начале 1925 года на Кавказе благотворно на него влияет и физически и духовно. Он оторвался от московской богемы, окунулся в трудовую стихию промышленного Баку, подышал чистым воздухом солнечной Грузии, отдохнул на берегу моря в Батуме. Начало 1925 года он провел в Батуме и здесь им закончены «Персидские мотивы».

В Персию Есенин никогда не был и весь материал для «Персидских мотивов» он почерпнул в Баку и в Батуме.

В стихотворении этого года «Мой путь» поэт подводит итог прошлым годам и приходит к твердому выводу:

распорядок и с удовлетворением сообщил о нем Галине Бениславской в письме от 17 декабря: «Работается и пишется мне дьявольски хорошо... Лева запирает меня на ключ и до 3 часов никого не пускает. Страшно мешают работать».

Спустя два дня Есенин снова пишет Бениславской:

«...Я слишком ушел в себя и ничего не знаю, что я написал вчера и что напишу завтра».

Только одно во мне сейчас живет. Я чувствую себя просветленным, не надо мне этой глупой шумливой славы, не надо построчного успеха. Я понял, что такое поэзия... Я скоро завалю Вас материалом. Так много и легко пишется в жизни очень редко».

Есенин засел за «Анну Снегину» и скоро ее закончил. Довольный он говорил:

— Эх, если бы так поработать несколько месяцев, сколько бы я написал!

Он мне прочел «Анну Снегину» и спросил, какое мое мнение. Я сказал, что от этой лирической повести на меня повеяло чем-то очень хорошо знакомым, и я назвал имя крупнейшего поэта 60-х годов прошлого столетия.

— Прошу тебя, Лев Осипович, никому об этом не говори!

Эта простодушно-наивная просьба меня рассмешила. Он тоже засмеялся.

— А что ты думаешь — многие и не догадаются сами...

До поры до времени нам удавалось сохранять установленный распорядок дня и Есенин писал Галине Бениславской:

«Я один. Вот и пишу, и пишу. Вечерами с Левой ходим в театр или ресторан. Он меня приучил пить чай, и мы вдвоем с ним выпиваем только 2 бутылки вина в день. За обедом и за ужином. Жизнь тихая, келейная. За стеной кто-то грустно насижует рояль, да Мишка лезет целоваться. Это собака Левина».

Известно, что Есенин любил животных. Здесь он часто возился с монм Мишкой, обязательно брал собаку с собой, хотя она доставляла ему неприятности. Однажды она заупрямилась и не захотела перейти мост, считая этот мост небезопасным. Пришлось Есенину взять ее на руки и перенести по мосту. Рукам Есенина она смело доверялась.

В саду при нашем домике были и мандарины, и бананы. Есенин смотрел на всю эту экзотику с умилением и сообщал Галине, как мы поглощали мандарины: «Мы с Левой едим их прямо в саду с деревьев. Уже декабря, а мы рвем вчера малину».

Должен признаться, по ночам, когда хозяйка домика уходила на покой, мы потихоньку прибирались в сад. Хозяйка, по-видимому, вела счет своим мандаринам и утром поглядывала на нас с укоризной.

К несчастью, вскоре после того, как была закончена «Анна Снегина», установленный нами распорядок дня был нарушен и затем окончательно сломан.

Однажды за ужином в ресторане Есенин вскочил и со всех ног бросился к дальнему столику в зале. С радостным криком «Митя, Митя!» он кинулся на шею молодому человеку. Тот целовался с ним, радостно оглядывал его со всех сторон и повторял:

— Сережа, Сережа, это ты?!

Есенин кричал мне:

— Лев Осипович, тащи все сюда!

Он меня познакомил с Митей и с его товарищами. Это оказались изловские купчики. Сюда в Батум они приехали за скучной контрабандного товара: отрезов «индиго», душков Коти и дамских шелковых чулок.

Откуда Есенин их знает? Что за странная старинная дружба. Где они встречались?

С их появлением Есенин как с узды сорвался. Денег у Мити оказалось чертовски много, и началось прирештство уже в крупном масштабе. Возвращался он домой поздно ночью и на мои тревожные вопросы глухо бормотал:

— Ты не беспокойся... Это мои друзья детства... не беспокойся...

Однажды за ужином в ресторане Митя, сидевший рядом со мной, наклонился и доверчиво зашептал:

— Эх, как мы с Сережей дружили в детстве! Какие мы с ним вытворяли штуки!

— Вы тоже из Константинова? Из одной деревни с Сергеем Александровичем?

— Какое там Константиново? Я из Москвы, из Замоскворечья. В одном дворе с Сережей жили. Он тогда не то у отца, не то у одного из своих дядей жил. Только, прошу Вас, никому об этом не говорите, он не хочет, чтобы об этом знали...

Вот тебе и на! Вот так стопроцентный крестьянин! Теперь мне стало многое понятно как в биографии, так и в творчестве Есенина.

(Продолжение следует)

ЛИТЕРАТУРНЫЕ НОВОСТИ № 9

1992

Лев
ПОВИЦКИЙСергей
Есенин
в жизни
и творчестве

(Начало см. в №№ 3—5)

Он мне однажды с довольной улыбкой сказал:

— Знаешь, когда мою Танюшу спрашивали, как ее фамилия, она отвечает: «Не кто-нибудь, а Есенина!»

* * *

1924 год явился переломным годом в жизни и творчестве Есенина. Пусть некоторые стихи этого года еще овеяны и грустью, и тяжелым раздумьем о прошлом, о пережитом, но и они говорят уже о том, что поэт вырвался из душевного мрака предыдущих двух лет. Одновременно эти стихи говорят о зреющем мастерстве поэта, о преодолении прежнего имажинистского формализма, прежнего нагромождения вычурной образности, засложнявший порой живую мысль и живое чувство поэта. В этом году им написаны стихи «Пушкину», «Мы теперь уходим понемногу», «Отворила роща золотая», «Сукин сын», «Этой грусти теперь не рассыпать», «Низкий дом с голубыми ставнями», «Возвращение на родину», «Русь советская» с ее незабываемыми заключительными строками:

Но и тогда,
Когда во всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть, —
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названием кратким «Русь».

Этот год был творчески очень плодотворным для Есенина. Им написаны в этот год циклы стихотворных писем: «Письмо к женщины», «Письмо от матери», «Ответ», «Песнь

Ну что же?
Молодость прошла!

Пора приняться мне
За дело,
Чтоб озорливая душа
Уже по-зрелому запела...

* * *

Конечно, приезд Есенина в Батум вызвал всеобщее внимание. Его останавливали на улице, знакомились, приглашали в ресторан. Как всегда и везде, и здесь сказалась теневая сторона его популярности. Он по целым дням был окружён компанией веселых собутыльников и пил не переставая. Глаза его все чаще стали менять свой природный голубой цвет на тусклово-оловянный...

За обедом он выпивал бутылку коньяку, это была его обычая обеденная норма. К еде он почти не дотрагивался. Офицант, видя, что суп остыл, хочет взять тарелку со стола. Есенин его останавливает:

— Я обедаю.

Он пил свой коньяк, а суп и второе блюдо оставались нетронутыми. Кончалась бутылка коньяка — и вместе с ней заканчивалась и «обед».

Я решил ввести в какое-нибудь нормальное русло дневное времяпрепровождение Есенина. Я ему предложил следующее: ежедневно при уходе моем на работу, я его запираю на ключ в комнате. Он не может выйти из дома, и к нему никто не может войти. В 3 часа дня я прихожу домой, отпираю комнату и мы идем с ним обедать. После обеда он волен делать что угодно. Он одобрил этот